Изъ воспоминаній А. П. Созоновичъ.

Е. П. Оболенскій.

„Въ противоположность Якушкину, Оболенскій радовался всякой свадьбѣ. Влюбленные молодые люди искали его ходатайства въ сватовствѣ за воспитан-

---

[1]) Этимъ письмомъ заключилась переписка Евгенья Петровича съ его родственникомъ и другомъ.

Мучительная тревога, въ которой онъ находился во время опасной и продолжительной болѣзни своего старшаго сына, губительно подѣйствовала на его уже слабѣющее здоровье, а затѣмъ прибавилась простуда. Послѣ говѣнья, на другой день причастія, поутру за чаемъ онъ сталъ бредить. Воспаленіе легкихъ его свернуло въ четыре дня, и на пятый онъ скончался въ Калугѣ, 26 февраля 1865 г., окруженный нѣжнымъ попеченіемъ любящей сестры, Натальи Петровны, и своей семьи, которую онъ спокойно оставлялъ подъ кровомъ этой сестры, своего безцѣнного ангела хранителя. Наталья Петровна сейчасъ же обезпечила его вдову 10 тысячами.

У покойнаго было многочисленное потомство, но большая часть его дѣтей поумирали въ Сибири и Россіи грудными младенцами. Послѣ него осталось двое сыновей, Иванъ и Петръ, выходящихъ изъ отрочества, и калужанка, дочь Ольга, 4 лѣтъ, любимица Натальи Петровны.

Впослѣдствіи племянница замѣнила тетушкѣ Евгенья Петровича и въ хозяйствахъ домашнемъ и сельскомъ, такъ какъ Наталья Петровна послѣ его кончины прожила слишкомъ 20 лѣтъ и умерла въ глубокой старости, тоже спокойно, въ семьѣ своего брата, съ которымъ не разставалась. Вполнѣ довѣряя Ольгѣ Евгеньевнѣ, она предоставила все свое состояніе ея попеченію и усмотрѣнію.

Сыновья Евгенья Петровича окончили курсъ въ Московскомъ университетѣ, старшій по медицинскому факультету, а меньшой по юридическому. Они служили и скончались одинъ за другимъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Послѣ старшаго осталась вдова съ двумя малолѣтними сыновьями (эти внуки со своею матерью получили послѣ бабушки Натальи Петровны 15 тысячъ), а меньшой покинулъ жизнь, будучи женихомъ. (Прим. А. П. Созоновичъ.)

ницъ Муравьева-Апостола. Онъ особенно заботился о будущности этихъ дѣвицъ, выросшихъ на его глазахъ. Въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду не одно ихъ семейное счастье, но и общественное положеніе сиротъ, которыхъ Муравьевъ-Апостолъ желалъ удочерить съ правомъ на его наслѣдство, о чемъ и подавалъ прошеніе государю въ 1861 г. черезъ шефа жандармовъ князя Долгорукова. Эту оффиціальную бумагу Оболенскій составлялъ вмѣстѣ со Свистуновымъ. Кромѣ того, Евгеній Петровичъ со своей стороны хлопоталъ о нихъ черезъ своего родственника, чтеца императрицы. Но въ просьбѣ Матвѣю Ивановичу было отказано; взамѣнъ его воспитанницамъ даровалось личное почетное гражданство съ фамиліей Матвѣевыхъ. Тогда Оболенскій утѣшалъ своего друга тѣмъ „что съ философской точки зрѣнія фамилія Матвѣевыхъ ничуть ни хуже всякой другой; личное же почетное гражданство даетъ имъ положеніе наравнѣ съ прочими образованными классами. Cela leur donne une position и избавляетъ въ случаѣ замужества или другого случая заявленія своихъ правъ отъ всякаго заступничества посторонняго лица. Итакъ, другъ Матвѣй Ивановичъ, будемъ довольны и этимъ результатомъ, хотя онъ и не вполнѣ соотвѣтствуетъ твоему сердечному желанію“.

Но на самомъ дѣлѣ такое рѣшеніе не удовлетворяло и Евгенья Петровича, поэтому онъ почти въ каждомъ письмѣ напоминалъ товарищу о необходимости торопиться замужествомъ Гутеньки и Аннеты.

Передъ отъѣздомъ изъ Сибири, по просьбѣ нѣкоего казачьяго офицера, весьма симпатичнаго молодого человѣка, Оболенскій старался представить Гутенькѣ счастливую съ нимъ семейную жизнь даже въ матеріальномъ отношеніи; коснувшись послѣдняго, онъ увлекся слишкомъ подробнымъ перечисленіемъ (со словъ будущей ея свекрови) всѣхъ безгрѣшныхъ до-

ходовъ казачьяго офицера, получаемыхъ съ татаръ, и этимъ совершенно испортилъ хорошее впечатлѣніе семейной картины. Дѣвушка сначала поморщилась, у ней даже навернулись слезы о предполагаемой ея участи; но потомъ она засмѣялась и крѣпко поцѣловала Евгенья Петровича за доброе намѣренье, такъ какъ онъ искренно желалъ ей счастья, а она не понимала, что званіе дочери ссыльнаго не давало ей права быть слишкомъ разборчивой, такъ какъ ея отецъ, уважаемый всѣми человѣкъ, какъ эскадронный командиръ, имѣлъ несчастье быть вынужденнымъ дать пощечину забывщемуся передъ нимъ полковому командиру, за что и попалъ въ Сибирь.

За все принимаясь своеобразно, Оболенскій однажды жаловался Матвѣю Ивановичу, что меньшой сынъ покойнаго Якушкина, Евгеній Ивановичъ, служившій въ Ярославлѣ управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ, чрезвычайно замкнутаго характера:— „молчитъ, какъ рыба, слова отъ него не добьешся. Я „думаю сыграть съ нимъ штуку и написать ему какое-„нибудь саркастическое письмо о его управленіи, т. е. „сколокъ съ управленія государственныхъ имуществъ „какой нибудь губерніи и сказать ему, что такъ отзы-„ваются о его собственномъ управленіи; тогда, будучи „задѣтъ за живое, онъ поневолѣ выскажется и зая-„витъ что нибудь живое и интересное“.

И дѣйствительно, такимъ способомъ онъ расшевелилъ Евгенья Ивановича, который писалъ Муравьеву-Апостолу, что получилъ письмо отъ Оболенскаго изъ Калуги, что оно наполнено похвалами ему, но такими, за которыя самое меньшее наказаніе и хвалителю и хвалимому—каторжныя работы. По его мнѣнію, Евгеній Петровичъ скучаетъ, хоть и не пишетъ объ этомъ: — „ему смерть хочется отвести душу разговоромъ, кото-„рый напомнилъ бы ялуторовскіе споры. Сначала онъ „мнѣ написалъ увѣщательное посланіе о томъ, какъ

„неприлично мнѣ не имѣть лошадей; это, какъ онъ „говоритъ, годится только въ иностранномъ государ-„ствѣ, а въ Россіи и при томъ православной, ходить „пѣшкомъ такому сановитому, какъ я, не слѣдуетъ— „и передъ людьми совѣстно, и передъ Богомъ грѣш-„но. Меня это взорвало ужасно. И я написалъ ему „въ отвѣтъ просто ругательное письмо. Руганье—видно— „ему и напомнило Ялуторовскъ: онъ письмомъ остался „очень доволенъ, и съ тѣхъ поръ я получилъ отъ „него два письма, на которыя буду опять отвѣчать то-„же ругательствомъ. Такая переписка, какая завелась „съ нимъ у насъ—только и можетъ быть съ Евгеньемъ „Петровичемъ. Нельзя его никакъ не любить, но онъ „бываетъ иногда невыносимъ. Онъ, какъ зеркало пред-„ставляетъ все очень вѣрно,—но всегда на выворотъ.— „Всѣ люди хотятъ казаться лучше, чѣмъ они есть, а „ему надо отдать полную справедливость: онъ старает-„ся изо всѣхъ силъ показаться хуже чѣмъ есть. Го-„воритъ онъ, чортъ знаетъ что такое, а дѣйствовать „начнетъ—совсѣмъ другой человѣкъ,—и какъ дай Богъ „всякому. Для меня это загадка“.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ.

И. И. Пущинъ не отличался особенной красотой, но это былъ очень видный мужчина. Его глубокіе, умные, сѣрые глаза вмѣстѣ съ привѣтливой улыбкой красиваго рта придавали много прелести его лицу, выкупая излишнюю ширину нижней части носа. По юношеской веселости своего нрава, онъ не могъ долго вести съ товарищами серьезный разговоръ или споръ; но въ обыденной болтовнѣ, особенно въ жен-скомъ кружкѣ, онъ былъ неподражаемъ, хотя для краснаго словца не щадилъ ни друга, ни отца.

Обыкновенно, начиная съ самого себя, онъ задѣвалъ всѣхъ забавно, мѣтко, безпрестанно острилъ и приво-дилъ общество въ пріятнѣйшее настроеніе духа. Онъ

очень нравился женщинамъ, и многія изъ нихъ преслѣдовали его своею любовью и брачными предложеніями. Но Иванъ Ивановичъ для послѣдняго былъ слишкомъ требователенъ: красавица безъ отпечатка хорошаго общества теряла въ его глазахъ всякую прелесть. Поэтому между сибирячками ему могли нравиться только дочери его товарищей. Тогда въ горькихъ шуткахъ онъ высказывалъ сожалѣніе, что его время ушло, что для нихъ онъ старъ, а онѣ слишкомъ молоды для того, чтобъ остановить на немъ свое вниманіе. Во всемъ тщательно избѣгая комическаго, онъ никогда не ухаживалъ за молодыми барышнями.

Старыя и молодыя вдовушки были существеннымъ несчастьемъ въ жизни Ивана Ивановича, такъ какъ онѣ смѣло и назойливо шли на приступъ, устраняя въ крайнемъ случаѣ не только необходимость брака, но и необходимость взаимныхъ чувствъ. Подобныя аттаки не всякому стоику могли быть подъ силу, тѣмъ менѣе Пущину, имѣвшему слабость къ женщинамъ и вину.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы князя Оболенскаго, одна изъ вдовъ, благодаря своей настойчивости, наградила его сыномъ, послѣ чего требовала, чтобъ онъ женился на ней. Иванъ Ивановичъ соглашался исполнить ея желаніе, но съ твердымъ намѣреніемъ тотчасъ послѣ вѣнчанья пустить себѣ пулю въ лобъ. Молодая женщина, дорожа его жизнью и спокойствіемъ, предпочла немедленно уѣхать изъ Ялуторовска на свою родину въ Вост. Сибирь, къ родственникамъ, а сына Иванъ Ивановичъ взялъ къ себѣ.

Пребываніе въ домѣ Пущина двоихъ дѣтей, матери которыхъ обществу были неизвѣстны, давало поводъ къ превратнымъ предположеніямъ.

Пущинъ по собственному почину собралъ своихъ товарищей и откровенно исповѣдывался передъ ними, душою, страдая за свой поступокъ, изумительный для нихъ и не извинительный въ его собственныхъ глазахъ

никакою женскою назойливостью. Послѣ этого несчастнаго приключенія его здоровье значительно пошатнулось, и онъ сталъ выпивать лишнее.